

Казнить нельзя помиловать

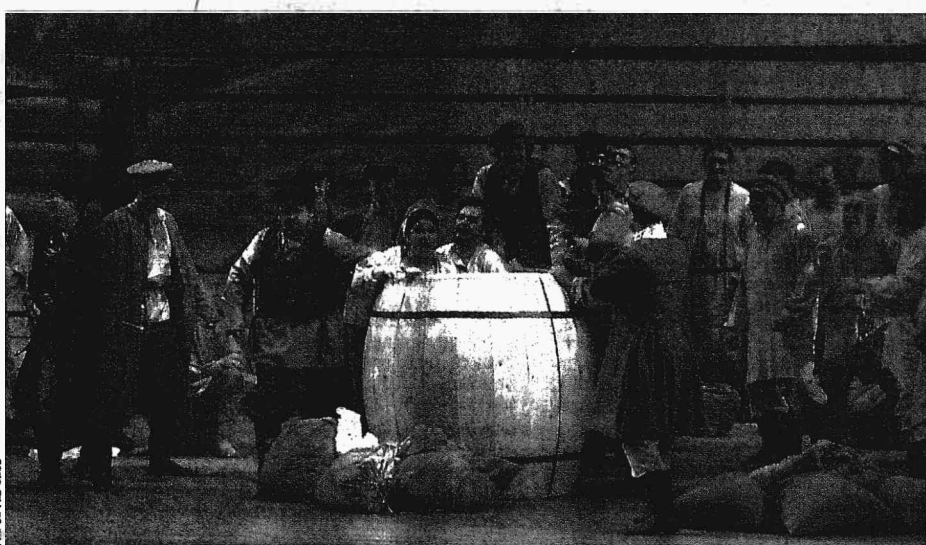
Русский телеграф, 1998, — 11 апр. — с. 7

Гастроли Мариинского театра в Москве

Исторический визит оперы Мариинского театра в столицу не вызывает у московской публики такого ажиотажа, как недавние аналогичные гастроли Мариинского балета: к семи часам вечера у дверей Большого театра остается лишь печальная горстка спекулянтов, не сумевших продать свои билеты. Приходится сделать вывод, что билетные примы Мариинки в короткое время добились много более громкой московской славы, чем давно любимый столицей Валерий Гергиев. К тому же балет был и остается лучшим, несли опера, фоном для светской жизни. А возможно, дело и в том, что политическая элита, недавно задававшая моду на Мариинский балет, теперь занята более насущными делами.

Однако отступать Гергиеву и его труппе некуда, и опера Мариинского театра подвергается Москве тотальной и непрерывающейся бомбовой атаке. Если в это же время Большой театр в Питере порой дает между спектаклями день отдыха, то Москва не знает пощады. И если в Питере за пультом меняют друг друга три дирижера Большого, то в Москве исключена даже сама мысль о том, что Гергиева можно кем-то заменить. Такой график давно является важнейшим компонентом гергиевского имиджа: и, видимо, это важнее, чем закономерные последствия. За великолепный уровень, достигнутый труппой в двух представлениях «Летучего голландца» Вагнера (см. «Русский телеграф» за минувший вторник), наступила неизбежная расплата в виде пятчасового мытарства над слушателем под названием «Хованщина». Последовавший на следующий день гала-концерт длился тоже пять часов, из них мытарства было часа четыре. И лишь «Катерина Измайлова» немного вывела доверчивую Москву из глубокого нокдауна.

«Хованщина» как спектакль ничем не хуже других — помня о том, как вообще трудно театру с этой оперой, нужно отдать должное Леониду Баратову и Федору Федоровскому, сумевшим в 40-е годы сделать спектакль столь добротным, что ему оказались ничем ни годы, ни даже замена редакции Римского-Корсакова на редакцию Шостаковича. Набей эту поста-

Сцена из оперы «Катерина Измайлова» Дмитрия Шостаковича

новку певцами-звездами, посади хороший оркестр — и русская историческая трагедия готова. Однако в исполнении оказалось не больше порядка, чем в проклятой русской истории. Лишь проблемами напоминал самого себя прекрасный Мариинский оркестр, как всегда бывает, когда центральная власть оказывается не в силах управлять ситуацией: жирные, расползающиеся басы, грохочущая медь, неаккуратные вступления. Поняв, что дирижерская палочка в этот день им не помогает, певцы стали перебивать инициативу у маэстро и друг у друга: Владимир Огновенко в роли Хованского-старшего старался переспеть всё вокруг (и на следующий день осип), Константин Плужников (Подьячий) проглотил все слова и прожевал все ноты, Гегам Григорян (Полищын) пропал, Юрий Марусин (князь Андрей) словно и вовсе не появлялся, Сусанна (Лариса Гоголевская) голосила как ошпаренная, а Михаил Кит (Досифей) и Лариса Дядькова (Марфа) ударили от оркестра как могли. Если добавит к этому блеклых персидок (неужели

это тоже Мариинский балет?), то картина утратит окончательную отраду. Единственным, кто вел себя так, словно ничего не произошло, был Шахловитый: Николай Путилин пел так же ярко, дисциplinированно и точно, как в «Полтавце».

Гала-концерт. В прошлом году, по приглашению добрых людей, я был на праздновании 70-летия Ростроповича в Баку. Не могу забыть кавказских пиршеств, тянувшихся благословенными часами: нехорошо вспоминать в пост, но одни только мясные блюда шли друг за другом, словно стремясь исчерпать всю антологию кулинарии за одно застолье. По подобному же принципу был организован гала-концерт солистов и хора Мариинского театра. В первом отделении шли фрагменты из французских опер, во втором — пространнейшие сцены из русских («Китеж», «Борис», «Садко», «Мазепа», «Князь Игорь»), а ближе к полуночи началось третье, итальянское отделение. «Да, концерт был длинным», — сказал потом Гергиев на пресс-конференции, — но те, кто дошел до конца, остались вознаграждены». Верно. В ариях и дуэтах Донизетти, Россини и Верди показали итальянский шик soprano Анна Нетребко, меццо Лариса Дядькова, тенор Гегам Григорян и особенно баритон Василий Перелло (судя по всему, готовящаяся премьера «Силы судьбы» имеет шансы на успех). Дивно солировал кларнет, а Гергиев выдал в марше и хорах из «Аиды» истинный театральный блеск. Из русских фрагментов на достойном уровне прошел лишь «Китеж» (в первую очередь благодаря лидером труппы — Николаю Путилину и Геннадю Беззубенкову), не считая «Сечи при Керженце», сыгранной синтезатормым звуком. И для Дядьковой «Мазепа» оказался много удачнее «Хованщины». Во всем остальном либо хорошие певцы имели не большие поддержки от дирижера, чем накануне в «Хованщине», либо приходилось подолгу

внимать искусству тех, кто почему-то называется тенорами, — Юрия Марусина и Константина Плужникова. А такой халтурной увертюры к «Кармен», как та, что открывала гала, я не слышал никогда.

Ростроповича я вспомнил выше не случайно. В двух работах Гергиев должен был выдержать с ним на московской сцене неизбежное сравнение. Никто не считает Ростроповича большим дирижером, но его премьерная «Хованщина» (с теми же Дядьковой и Огновенко) была продуктом любовной и тщательной выделки (другое дело, чем она стала в Большом театре потом). В «Катерине Измайловой» Гергиев, безусловно, выиграл — если не брать в расчет то, что они дирижировали разными редакциями оперы Шостаковича.

«Катерина Измайлова» началась с того, что бас Сергей Алешашкин оказался на сцене, мягко говоря, не в форме и был прямо по ходу действия спешно заменен на все того же Геннадия Беззубенкова. Вместе с ним и с Ларисой Шевченко (певшей крупно и статно, немного превосходя сама себя в боннской любимоваской «Пиковой даме») спектакль постепенно завоевывал доверие публики — несмотря на то, что красавца Сережу опять изображали теноровые остатки Юрия Марусина. Выразительные деревянные створы Георгия Цыпина гревели в антрактах — но неплохо уже то, что это мешало слушать, ибо оркестр в этот вечер был хорош. Второй акт стал подарком — ни разу еще на текущих гастролях режиссура так не соответствовала музыкальной и драматической форме, как в этой традиционной, но умной разработке Ирины Молодтовой. Итак, казнь пока отменена, и остается надежда, что «Парсифаль» и «Огненный ангел» представят перед Москвой в том виде, в котором составили славу последних лет Мариинской оперы.

Петр Поспелов

Николай Путилин — звезда номер один оперной труппы Мариинского театра